

~ БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХ ~
СОЧИНЕНИЙ

Рене Декарт

Широта ума, сила воображения
и активность души –
вот что такое гений

Библиотека избранных сочинений

Рене Декарт

**Рассуждения о методе.
Начала философии.
Страсти души (сборник)**

«ЭКСМО»

XVII век

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)

Декарт Р.

Рассуждения о методе. Начала философии. Страсти души
(сборник) / Р. Декарт — «Эксмо», XVII век — (Библиотека
избранных сочинений)

ISBN 978-5-04-103169-5

В настоящий том входят три сочинения знаменитого философа: «Рассуждения о методе», «Начала философии», «Страсти души». «Я мыслю, следовательно – существую!» – самая знаменитая цитата мыслителя. Что она значит на самом деле, в чем ее суть? В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)

ISBN 978-5-04-103169-5

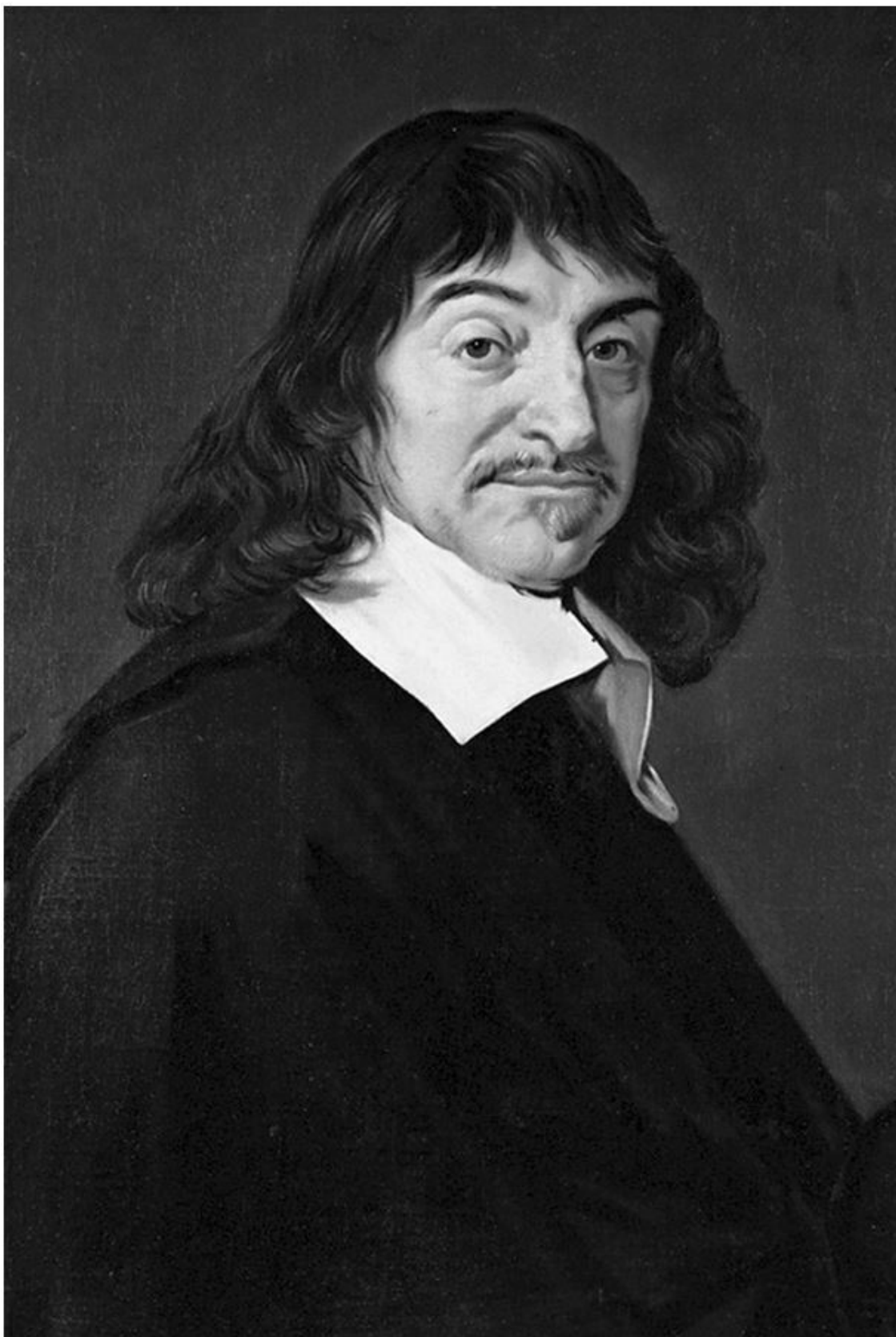
© Декарт Р., XVII век
© Эксмо, XVII век

Содержание

Вопросы, на которые дает ответ эта книга	7
Рене Декарт. «Я мыслю, следовательно – существую!»	8
Рассуждение о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках	9
Часть I	10
Часть II	14
Часть III	19
Часть IV	23
Часть V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рене Декарт
Рассуждения о методе; Начала
философии; Страсти души

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Рене Декарт
1596–1650

Вопросы, на которые дает ответ эта книга

ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ПРОИСХОДИТ РАЗЛИЧИЕ ВО МНЕНИЯХ ЛЮДЕЙ?

По причине различной направленности мыслей и рассуждений. Стр. 13.

ДОПУСТИМО ЛИ, ЧТОБЫ МЫСЛИТЕЛЯ ВОСПИТЫВАЛ ТОЛЬКО ОДИН НАСТАВНИК?

Нет, будущему ученому нужна «разноголосица мнений». Стр. 31.

КАК ВЫДЕЛИТЬ ИЗ ВСЕГО МНОГООБРАЗИЯ МНЕНИЙ НАИБОЛЕЕ ВЕРНЫЕ?

Выбирать наиболее умеренные и вероятные из них. Стр. 43.

В ЧЕМ СОСТОИТ ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ БОЖИИХ?

В предоставлении права природе самой, по установленным Божиим законам, образовать мир из первоначальной формы хаоса и постепенно довести до того положения, в каком мы его видим ныне. Стр. 69.

КОГО МЫСЛИТЕЛЬ ХОТЕЛ БЫ ИМЕТЬ ЕДИНСТВЕННЫМИ СУДЬЯМИ?

Людей, соединяющих в себе здравый смысл с познаниями. Стр. 107.

ПОЛЕЗНО ЛИ СОМНЕВАТЬСЯ?

Да. Если мы в чем-то усомнились, нам легче и естественнее открываются достоверные факты. Стр. 135.

В ЧЕМ ПРИЧИНА ЗАБЛУЖДЕНИЙ?

В нашем своеволии. Человек может даже пожелать быть обманутым. Стр. 157.

КАК ДУША И ТЕЛО УЧАСТВУЮТ В ВОСПРИЯТИИ?

Душа воспринимает все свойственное телу через нервы, но не сами по себе, а связанные с мозгом. Стр. 292–293.

ЗА СЧЕТ ЧЕГО МОЖНО СОХРАНЯТЬ ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ?

За счет умения желать только достижимое и выбирать такое приятное, которое еще и полезно, всего этого в мире достаточно. Стр. 314.

ЧТО ЗНАЧИТ «СУЩЕСТВОВАТЬ»?

Это значит понимать, что существуешь, и уметь мыслить и сомневаться. Стр. 343.

МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ, ЧТО ДУША НАХОДИТСЯ В КАКОЙ-ТО ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЧАСТИ ТЕЛА?

Нет. Душа связана со всем телом и участвует в восприятии действительности за счет различных чувств. Стр. 376–377.

КАКИЕ ДУШИ СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ СЛАБЫМИ?

Те, воля которых вовсе не решается следовать определенным суждениям, но вечно увлекается страстями. Стр. 392.

КАКИЕ СТРАСТИ ВЛАДЕЮТ ЧЕЛОВЕКОМ?

Первоначальных страстей всего шесть: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль. Все прочие – либо их соединение, либо виды. Стр. 405.

КАКОВА РАЗНИЦА МЕЖДУ БЛАЖЕНСТВОМ, ВЫСШИМ БЛАГОМ И КОНЕЧНОЙ ЦЕЛЬЮ?

Блаженство не высшее благо, но оно предполагает последнее; оно есть довольство или удовлетворение души, проистекающее оттого, что душа обладает благом. Стр. 522–523.

Рене Декарт. «Я мыслю, следовательно – существую!»

Сложно четко очертить круг научных интересов французского мыслителя Рене Декарта. Создатель аналитической геометрии и физиолог, механик и писатель – он рассуждал о «началах философии», о Боге и Вселенной, заложил начала рефлексологии... Впрочем, такая широта вполне характерна для XVII столетия.

Именно Декарту приписывают известнейшее высказывание «Я мыслю, следовательно – существую!», которое могло бы стать девизом всего Нового времени – эпохи, когда научное знание начало освобождаться от жесткого диктата церкви. Именно Декарт первым сформулировал правила познания (истинно лишь очевидное; каждую проблему можно разложить на составляющие ее части; рассуждение должно строиться от простого к сложному; основное подспорье ученого – составление систематизированных перечней и обзоров), которые практически не претерпели изменений вплоть до наших дней. Именно он «реформировал» математическую символику, сделав ее максимально приближенной к той, что ныне известна нам по школьным учебникам. Именно Рене Декарт в философии поставил на первое место разум, создав классическую систему рационального познания.

Родившемуся в 1596 году ученому было суждено пережить многое: участие в Тридцатилетней войне и обвинения в ереси, противостояние с церковью и проблемы с публикацией его работ. И все же творческое наследие Рене Декарта на редкость разнообразно тематически. Его перу принадлежат работы «Геометрия», «Космогония», «Трактат о музыке», «Описание человеческого тела», «Метеоры», «Диоптрика» и множество других.

Мы предлагаем вам составить свое мнение о научно-философской системе Декарта по нескольким известным произведениям. Это, во-первых, «Рассуждение о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках», самая известная работа мыслителя, в которой он излагает свои принципы дедуктивного познания, применимые к любой науке и позволяющие исследователю проникать в суть вещей. «Рассуждение» часто относят к числу трудов, ставших основополагающими для всей философии и науки Нового времени.

Вполне в «декартовском» духе написан еще один вошедший в наш сборник труд – «Страсти души», впервые изданный в 1649 году, за несколько месяцев до смерти ученого. Декарт посвящает его «природе человека», рассматривая строение тела и его функционирование на основании строгих физических законов. Более того, он определяет «локализацию души» в теле человека со всем присущим Новому времени рационализмом!

И еще одно известное произведение, фрагменты из которого мы также предлагаем читателю – «Начала философии» (иной вариант перевода названия – «Первоначала философии»). В нем Рене Декарт формулирует основное правило получения достоверного знания – это сомнение. «Я сомневаюсь, значит, мыслю; я мыслю, следовательно – существую», – именно так звучит полностью известное высказывание, приведенное нами выше. И именно в этом труде Декарт приводит свои доказательства существования Бога... Парадоксально? Возможно. Но, может быть, мы просто смотрим с позиции читателя XXI века? А если познакомиться с системой французского гения поближе, то все будет гораздо проще и логичнее? Ведь не просто так научная система Декарта пережила века!

Итак, мы приглашаем вас к чтению...

Рассуждение о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках

Ежели рассуждение это для кого-то покажется чересчур длинным, чтобы быть прочитанным сразу, то можно его разделить на шесть частей. В первой части, таким образом, окажутся разного рода соображения относительно наук; во второй части – основополагающие правила найденного автором метода; в третьей части – извлеченные из сего метода некоторые моральные правила; в четвертой части – доказывающие существование Бога и души человеческой доводы, являющиеся основанием метафизики автора; в пятой части – некоторые исследования в области физики, как-то: разъяснение движения сердца и иных затруднений по части медицины, а также определение различий между душой человека и душой животного; в шестой же части автор высказывает свое мнение о необходимых действиях, могущих с бóльшим успехом послужить исследованию природы, а также называет причины, по которым он взялся написать это сочинение.

Часть I

Соображения, касающиеся наук

Здравый смысл есть самая распространенная вещь на свете, потому что всякий считает себя настолько им одаренным, что и те, которых особенно трудно удовлетворить в каких-либо других отношениях, не находят нужным желать этого смысла более, чем сколько его имеют. Неправдоподобно, чтобы такой взгляд на здравый смысл происходил от ошибки, скорее же можно заключить, что способность рассуждать и отличать истинное от ложного, составляющая в точности то, что называют здравым смыслом, или рассудком, по самой природе своей одинакова во всех людях. Также **надобно думать, что различие в наших мнениях происходит не от того, что одни люди более имеют рассудка, чем другие, а от того только, что мы направляем различно наше мышление и не одни и те же данные рассматриваем при наших обсуждениях.** Но недостаточно иметь здравый смысл, гораздо важнее уметь его хорошо прилагать к делу. Люди с величайшими душевными способностями могут иметь величайшие пороки, как и величайшие добродетели, и те, которые двигаются очень медленно, могут скорее достигать цели, следуя постоянно прямому пути, чем те, которые двигаются быстро, но уклоняются от прямого направления.

Что касается до меня, то я никогда не приписывал своему уму какого-либо превосходства в сравнении с обыкновенными умами: напротив того, я часто желал иметь такую же, как у некоторых других, быстроту соображения, или такое же пылкое воображение, или такую же обширную и твердую память. И я не знаю других качеств, могущих возвышать ум, кроме вышеперечисленных, потому что относительно разума или смысла, именно того, что нас делает людьми и отличает от скотов, я держусь мнения, что он во всей целостности своей имеется в каждом из нас, следуя по этому вопросу общему мнению философов, утверждающих, что понятия о большем или меньшем приложимы только к *частностям*, но никак не к общей *форме*¹ или к существу *особей* одного *рода*.

Не побоюсь высказать, что в течение моей жизни много было полезно употребленного времени и что с самых юных лет я попадал на пути, которые привели меня к взглядам на жизнь и правилам, доставившим мне, в свою очередь, возможность найти для себя систему, увеличивавшую постепенно мое знание. Эта система, как мне кажется, долженствует возвысить мое знание до высшей для меня доступной степени, по ограниченности моего ума и краткости моей жизни. Я так говорю потому, что уже имел от своей системы плоды, и хотя при обсуждении своего собственного достоинства всегда склоняюсь более к недоверию, чем к уверенности в самом себе, а также, рассматривая философски различные действия и предприятия людей, почти все признаю их пустыми и бесполезными, тем не менее не могу не восхищаться теми успехами в изыскании истины, которых я уже добился. Не могу не питать притом такой надежды на будущее, что если из всех дел человеческих, чисто человеческих, есть хотя одно положительно хорошее и стоящее внимания, то смею думать, что я именно избрал такое дело².

Впрочем, очень может быть, что я и ошибаюсь и принимаю немного меди и стекла за золото и бриллианты. **Я знаю, насколько мы подвержены ошибкам в том, что касается нас самих, и знаю также, с каким сомнением надо относиться к суждениям наших друзей, высказанным в нашу пользу.** Но мне желательно в этой речи раскрыть для других те пути, которым я следовал, представить на общий суд мою жизнь, как на картине³, имея в

¹ В латинском переводе – «субстанциональные формы» (*formas substantialis*). – Прим. перев.

² Для писателя XVII столетия подобное выражение не составляет большой нескромности. – Прим. перев.

³ В латинском переводе – «скрываясь сам за картиной» (*ipse post tabulam delitescens*). – Прим. перев.

виду – из мнений общества о моей жизни извлечь для себя новый способ к увеличению моих познаний и прибавить его к тем способам, которыми до сего времени пользовался.

Таким образом, в этом сочинении я не имею намерения поучать системе, которой должен каждый следовать для развития своего разума, но только показать другим, как я старался управлять своим собственным рассудком. Те, которые берут на себя поучение других людей, должны ставить себя выше поучаемых; и за то, при малейшей ошибке, подлежат строжайшему осуждению. Но так как я предлагаю это сочинение не более как историю, или, если хотите, как басню, в которой найдутся примеры, заслуживающие и не заслуживающие подражания, то надеюсь, что мой труд принесет некоторым пользу, не сделав никому вреда, и что все одобряют мой беспристрастный взгляд на собственное произведение.

Я с малолетства занимался науками, и так как меня уверяли, что именно в науках я найду познание ясное и верное всего полезного для жизни, то пламенно желал их изучать. Но как скоро окончен был мною курс наук, дающий право на вступление в ряды ученых, мнение мое о науках совершенно изменилось, потому что я увидел себя подавленным таким множеством сомнений и заблуждений, что, казалось мне, извлек из учения только ту пользу, что вполне убедился в своем невежестве. А между тем я учился в одном из знаменитейших училищ Европы, в котором, как я полагал, скорее, чем где-либо на свете, должны были находиться ученые люди. Я учился тому же, чему и другие учились, и даже, не довольствуясь преподаваемым, читал все попадавшиеся мне книги относительно самых любопытных и редких познаний. Вместе с тем мне известны были мнения других о моей учености, и я не замечал, чтобы меня ставили ниже моих соучеников, хотя между этими последними были и такие, которые предназначались занимать впоследствии места учителей. Наконец, наш век казался мне не менее процветающим и не менее плодотворным на замечательные умы, как и любой из предыдущих веков. Все эти соображения не давали мне право судить по самому себе и обо всех других людях и вынудили прийти к такому заключению, что нет ни одной науки на свете, которая была бы в самом деле наукой, как мне прежде этим напрасно забивали голову.

Я не переставал, однако ж, придавать известное значение школьным упражнениям; я знал, что языки, которым обучают в школах, необходимы для понимания древних книг, что остроумие басен пробуждает деятельность ума, что историческое повествование о замечательных деяниях возвышает ум и помогает развитию рассудка (если только это повествование изучать с рассуждением), что вообще чтение всяких хороших книг есть как бы беседа с лучшими людьми прошедших веков, и притом – беседа особенно полезная, так как эти лучшие люди сообщают нам только лучшие свои мысли. Я знал, что в красноречии есть сила и красота несравненная, что поэзия богата тонкостями и прелестями восхитительными, что математическим наукам принадлежат самые хитрые изобретения, служащие как для удовлетворения любопытства, так для развития всех искусств и для уменьшения физического труда людей. Я знал, что богословие открывает путь к спасению души, что философия сообщает искусство говорить правдоподобно обо всем и приводить в удивление малознающих, что юриспруденция, медицина и другие науки приносят почести и богатства тем, которые их изучают, и, наконец, **я находил полезным для человека знакомиться со всеми науками, даже основанными на суеверии и вполне ложными, – хотя бы с целью определения их истинного значения и избежания возникающих от таких наук заблуждений.**

Но я находил вместе с тем, что достаточно уже употребил времени на изучение языков и даже на чтение древних книг, древней истории и басен; потому что беседовать с древними то же самое, что и путешествовать. О путешествиях же скажу: полезно иметь понятие об обычаях различных народов, чтобы судить здраво об обычаях своей родины и чтобы не находить всего того смешным или глупым, что не согласно с нашими привычками, как думают люди, ничего не видавшие на свете, кроме своего муравейника; но когда слишком долго путешествуют, то становятся, наконец, чужеземцами в своем собственном отечестве. Так точно, когда

слишком увлекаются изучением жизни прошедших веков, то обыкновенно остаются в великом неведении относительно того, что совершается в настоящем. Кроме того, басни заставляют нас признавать возможным многое положительно невозможное⁴, и о самых правдивых историях можно заметить, что если в них факты не изменяются и не преувеличиваются для того, чтобы возвысить важность рассказа в глазах читателя, то непременно уже самые достойные презрения и незначительные факты опускаются, вследствие чего все остальное представляется нам не таковым, каковым оно было на самом деле. Люди, которые принимают подобные истории за руководство для своих действий, легко впадают во все безумства паладинов наших рыцарских романов и способны затевать предприятия, превышающие их силы.

Я очень уважал красноречие и страстно любил поэзию, но я полагал, что и то и другое было более плодами природных умственных дарований, чем плодом науки. Те, которые рассуждают здраво и наиболее обсуждают свои собственные идеи для придания им возможной ясности и удобопонимаемости, те лучше других сумеют убеждать в справедливости своих предложений, хотя бы они объяснялись только на нижнебретонском наречии и никогда бы не изучали риторики. Также и те, которых воображение наиболее игриво и которые могут выражать свои фантазии картинно и увлекательно, обладают даром поэзии, хотя бы и вовсе были незнакомы с пиитикой.

Мне в особенности нравились математические науки за их точность и доказательность, но я, не понимая прежде их истинного значения и думая, что они могли быть приложимы к одним механическим искусствам, удивлялся, как на таких твердых и прочных основаниях, каковы математические истины, не воздвигли до сего времени чего-нибудь поважнее знания механики. Я видел в этом противоположность с творениями древних языческих писателей о нравственности, которые сравнивал с великолепными дворцами, построенными, однако ж, на песке и грязи. В этих творениях добродетели возвеличиваются и ставятся превыше всего на свете, но познание самих добродетелей сообщается слишком недостаточное, так что нередко под прекрасным именем добра у древних авторов является или бесчувственность, или гордость, или отчаяние, или даже преступление отцеубийства.

Я благоговел пред нашим богословием и не менее кого-либо другого надеялся найти в нем путь к своему спасению, но, узнав наверное, что путь этот настолько же открыт для людей самых невежественных, как и для самых ученых, и что истины откровения превыше нашего разума, я не осмелился обсуждать последние моим слабым разумом и даже нашел, что для успеха в подобном деле необходима помощь свыше или надобно быть более, чем человеком.

Я ничего не скажу о философии, кроме того что хотя она и была развиваема в течение многих веков лучшими умами, не заключает, однако ж, в себе пока ничего бесспорного, ничего не подлежащего сомнению, а потому надобно быть особенно самонадеянным, чтобы ожидать от себя получения большей от философии пользы, чем другие.

Что касается до остальных наук⁵, именно тех, которые заимствуют свои начала из философии, то я не мог ожидать от них какого-либо действительного научного знания при их шатких основаниях. Ни почести, ни материальные выгоды, которые эти науки обещают ученым, не могли меня склонить к их изучению, тем более что, благодаря Бога, я не в таком был положении, чтобы обращать науку в ремесло ради поправления своего состояния, а также, хотя я, подобно циникам, и не презираю славы, но ставлю ни во что такую известность, которая приобретает незаслуженно. Обратив внимание на то, сколько может быть несогласных философских мнений об одном и том же предмете, и притом мнений, поддерживаемых учеными людьми, тогда как истинное мнение должно быть всегда только одно, я прямо признал почти

⁴ В латинском переводе – «и таким образом побуждают нас к предприятиям свыше наших сил или к надеждам выше нашего положения» (*irritantque nos hoc pacto vel ad es suscipienda, quae supra vires, vel ad ea speranda quae supra sortem nostram sunt*). – Прим. перев.

⁵ Декарт говорит здесь о юриспруденции и медицине. – Прим. перев.

что за ложное все, что было не более как правдоподобным в философских учениях⁶. Наконец, что касается до некоторых мнимых наук, то я довольно был уже сведущ, чтобы не даваться в обман ни обещаниям алхимика, ни предсказаниям астролога, ни плутовству мага, ни вообще хитрости или самохвальству тех, которые промышляют выставлением напоказ знания, которого не имеют.

Вследствие всего этого я оставил занятия науками, как скоро возраст позволил мне выйти из-под зависимости моих учителей. Приняв твердую решимость не иметь другого просвещения, кроме того, которое может найтись во мне самом или в великой книге мира, я посвятил остаток моих юношеских лет путешествиям, обозрению дворов и армий, посещению людей различных нравов и званий, различным наблюдениям, испытанию самого себя в разных случайностях жизни и при всем этом – размышлению о встречающемся мне для извлечения чего-нибудь для себя полезного. Я предпочел такие занятия наукам потому, что мне казалось, что я встречу более истины в рассуждениях, которые делает каждый человек по обстоятельствам, прямо к нему относящимся и за ошибку в которых он наказывается самыми фактами, чем в рассуждениях ученого человека, не имеющих никаких последствий и могущих влиять на самого ученого разве только тем, что чем они менее, тем более он будет ими тщеславиться, так как тем более потребовалось ума и изворотливости на предание нелепым суждениям правдоподобия. А я всегда пламенно желал научиться отличать истинное от ложного, чтобы верно ценить свои собственные поступки и твердо идти по пути жизни.

Я должен заметить, однако ж, что, изучая других людей, не нашел в этом изучении ничего верного, но увидел и здесь между мнениями такое же разногласие, какое видел между мнениями философов. Вследствие этого наибольшая польза, которую я извлек из моих путешествий, состояла в том, что, видя как многое, признаваемое нами безумным или смешным, принимается и одобряется другими великими народами, я научился не верить слепо убеждениям, внушаемым нам только обычаями и примером других, и таким образом освободился от многих помрачающих здравый смысл заблуждений. Но, употребив несколько лет на изучение части вселенной и на приобретение опытности, я решился в один прекрасный день заняться изучением самого себя, употребив все силы моего ума на отыскание верного пути в жизни. Это последнее предприятие, как теперь вижу, мне настолько более всех прочих удалось, что лучше было бы, если бы я вовсе не бегал от своей родины и от своих книг.

⁶ В латинском переводе добавлено – «по причине знакомства с ложными науками» (*hoc est ob scientiarum non verarum cognitionem*). – Прим. перев.

Часть II

Основные правила метода

Я находился в то время в Германии, по случаю войны, которая и теперь еще там не кончилась. Возвращаясь с коронации императора к армии, я был задержан началом зимы в одной местности, где, не находя никаких развлечений и не отвлекаясь притом особенными заботами или желаниями, оставался по целым дням один в теплой каморке, с полным досугом для рассуждений с самим собою. Первая мысль, которая пришла мне в голову в это время, была та, что часто в созданиях многосложных и выполненных многими мастерами менее достоинства, чем в тех, над произведением которых трудился всего один человек. Так, мы видим, что здания, спроектированные одним архитектором, обыкновенно красивее и лучше устроены, чем те строения, над исправлением которых трудились многие, старавшиеся пользоваться старыми стенами, воздвигавшимися в свое время совсем с иными целями. Мы видим, например, что древние поселения, обратившиеся в течение времени из местечек в большие города, обыкновенно бывают хуже устроены, чем города, воздвигнутые на равнине по плану инженера, хотя, сравнивая здания первых городов со зданиями последних, в отдельности можно найти не менее строительного искусства в древних городах, как и в новых. Тем не менее, если обратить внимание на безобразное смешение больших и малых строений, а также на кривизну улиц старых городов, то подумаешь, что только случай, а не воля разумных людей управляла их постройкой. Если затем вспомнить, что в городах всегда имелись чиновники, наблюдавшие за благоустройством, то надобно согласиться и с тем, что трудно добиваться чего-нибудь близкого к совершенству, работая только на основании чужих трудов и произведений⁷. Таким образом, я пришел к мысли, что те народы, которые вышли из полудикого состояния и цивилизовались только постепенно, составляя для себя законы по мере необходимости, не могут быть настолько образованны, как народы, с самого первого начала своего принявшие учреждения какого-нибудь мудрого законодателя, хотя совершенно верно, что учреждения истинной религии, как данные самим Богом, несравненно выше всех других учреждений. Но, обращаясь к делам чисто человеческим, я думаю, что если Спарта процветала когда-то, то не потому, чтобы каждое из ее узаконений было хорошо, так как многие из этих узаконений были нелепы и даже безнравственны, но потому, что спартанские законы, как придуманные одним законодателем, все вели к одной цели. Таким образом, **я думал, что книжные науки, по крайней мере те, которых основания только правдоподобны и которые не имеют настоящих доказательств, сложившись постепенно из учений нескольких лиц, не так близки к истине, как те бесхитростные рассуждения, которые может сделать здравомыслящий человек относительно предметов, ему представляющихся**⁸. Я думал также, что вследствие естественной постепенности в нашем развитии, заставляющей нас быть прежде детьми, а потом уже людьми, и отдающей нас в течение долгого времени под управление наших инстинктов и наставников, часто не согласных между собой в своих требованиях и не всегда нам советующих лучшее, нам невозможно иметь столь же верные и ясные суждения, как если бы мы с самого нашего рождения пользовались вполне рассудком и ничем бы кроме него не руководились.

Справедливо, что нам не приходится видеть, чтобы разрушали дома в целом городе единственно для перестройки его на другой образец и для украшения городских улиц, но мы часто видим, как многие хозяева разоряют свои дома для перестройки их, часто принуждаемые к этому ветхостью зданий и непрочностью фундаментов. Точно так же и я был убежден, что немислимо для одного человека преобразование целого государства от самых его оснований,

⁷ Идея справедлива для одних произведений артистических. – *Прим. перев.*

⁸ Так можно было в самом деле оценивать книжные науки XVII века. – *Прим. перев.*

т. е. обновление государства посредством предварительного его разрушения; немислимо также преобразование всей системы наук или порядка преподавания наук, принятого в училищах, но я полагал, что ничего лучшего не могу придумать, как, выкинув один раз из своей головы все принятые мною до того времени на веру учения с тем, чтобы заменить их потом лучшими, или, пожалуй, принять опять те же учения, но добившись предварительно полного их понимания. Я был твердо уверен, что этим способом гораздо лучше найду для себя правила, чем если бы я строил, руководствуясь только принципами, внушенными мне с детства и принятыми мною без рассуждения. Хотя и при исполнении такого моего намерения я предугадывал различные затруднения, но трудности эти считал устранимыми и без сравнения меньшими против трудностей, которые встречаются при малейших преобразованиях в общественных делах.

Общества, эти огромные тела, слишком трудно поднимаются, один раз ниспровергнутые, или с трудом удерживаются от падения, когда уже пошатнулись, а падение таких громад должно быть жестоко. Притом если общества имеют недостатки, то одно разнообразие в последних указывает уже на то, что нет обществ без недостатков, и тем не менее практика успевает смягчать зло и даже незаметно исправляет и устраняет его, чего теоретическими воображениями никогда не успели бы достигнуть. Наконец, существование плохих общественных учреждений сноснее⁹, чем перемены в этих учреждениях, точно так, как удобнее подвигаются разбитой от частого проезда дорогой, хотя не прямой и извивающейся между горами, чем пробиваться напрямик через свалы и пропасти.

Вот почему я несколько не сочувствую тем беспокойным людям, которые, не бывши призываемы ни званием своим, ни богатством к участию в общественных делах, готовы каждую минуту, по крайней мере в теории, совершать реформы, так что если бы я заметил в собственном своем сочинении малейший признак подобного увлечения, то никак бы не позволил себе напечатать такую вещь.

Мои реформаторские стремления никогда не простирались далее собственных суждений и далее перестроек на почве, мне вполне принадлежащей, и я потому только представляю читателям этот очерк, что самому автору он понравился, причем не имею ни малейшего притязания на признание моих суждений образцами, которым должно следовать. Люди, которым Бог даровал более талантов, чем мне, составят, может быть, теории повозвышеннее моей, но я более опасюсь того, что уже моя теория окажется для многих слишком смелой. Одна решимость отказаться от всех убеждений, принятых на веру, есть нечто такое, чему не каждый должен подражать, так как почти что все умы на свете двух только родов, и ни для одного из них нет выгоды следовать моему примеру. К первому роду умов принадлежат те, которые, вследствие слишком высокого о себе мнения, не могут удержаться от поспешных суждений и не могут терпеливо проводить свои суждения в логической связи, вследствие чего, если позволят себе один раз усомниться в принятых принципах и удалиться от общепринятого пути, то никогда уже не попадут на настоящую дорогу и будут заблуждаться всю свою жизнь. К другому роду умов принадлежат умы людей незаносчивых, достаточно скромных для того, чтобы признавать превосходство над собою других людей, более способных отличать истинное от ложного, но для таких скромников лучше следовать чужим мнениям, чем составлять свои собственные.

Что касается меня самого, то я непременно оказался бы в числе последних умов, если бы получил воспитание от одного только наставника и если бы я не знал о той разногласии во мнениях, которая существовала всегда на свете в среде самых ученых людей. Еще школьником я узнал, что нельзя придумать такой странности или нелепости, которая не оказалась бы высказанной прежде каким-нибудь философом, а потом, путешествуя, я убедился в том, что многие, имеющие мнения вовсе не согласные с нашими, не

⁹ В латинском переводе добавлено – «для привыкших к тому народов» (*ab assuetis populis*). – Прим. перев.

делаются через то варварами или дикарями, и не менее, если не более нашего, работают своим умом. Я соображал, как один и тот же человек, с тою же головой, воспитанный среди французов или немцев, должен бы измениться, если бы он вырос среди китайцев или людоедов, и как странно, что, по влиянию моды, тот наряд, который десять лет тому назад нам нравился и до истечения десяти лет, может быть, опять будет нравиться, кажется нам теперь смешным. Из всего этого вывел, что большинство наших убеждений возникает не из какого-нибудь верного знания, а только из обычаев и примеров, но что мнение большинства для научных истин, которые отыскиваются нелегко, есть ничего не стоящее доказательство, так как скорее можно ожидать открытия истин одним человеком, чем целым народом. Отсюда я уже пришел к убеждению невозможности следовать безусловно чьим-либо мнениям и необходимости отыскивать самому для себя верный путь.

Но как человек, которому приходится идти одному впопыхах, я наперед решил подвигаться как можно медленнее и соблюдать во всем такую осторожность, чтобы наверняка избежать падения, хотя бы через то и подвигался вперед очень мало. Я предположил даже тогда только отказаться от мнений, принятых мною на веру без обсуждения, когда уже составляю план для предпринимаемого труда и отыщу истинный метод для познания всех предметов, доступных моему уму.

В юношеском моем возрасте я занимался немного, между прочими частями философии, логикой, а из математики – геометрическим анализом и алгеброй, тремя искусствами или науками, которые должны были принести мне большую пользу в моем предприятии. Но, рассматривая эти искусства, я обратил, во-первых, внимание на то, что логика, с ее силлогизмами и прочими правилами, служит более к разъяснению другими того, что сам разъясняющий уже знает, или даже, как искусство Луллия¹⁰, оно более помогает говорить о том, чего не знаешь¹¹, чем изучение того, что еще неизвестно. Логика, без сомнений, содержит в себе множество совершенно верных и полезных правил, но вместе с тем в этой науке столько есть и бесполезного или даже вредного, что так же трудно отделить в ней хорошее от дурного, как трудно извлечь статую Дианы¹² или Минервы из куска необработанного мрамора. Что касается до геометрического анализа древних и нашей алгебры, то, кроме того что обе эти науки слишком отвлеченны и мало приложимы к практическим соображениям, первая из них настолько связана рассматриванием фигур, что не может развивать понимание, не утомляя воображения, а вторая наука так подчинена некоторым мелочным правилам и теории знаков, что представляет смутное и темное искусство, более затрудняющее ум, чем развивающее его. Обратив внимание на все это, я подумал об отыскании такой методы, которая, заключая в себе выгоды всех указанных трех наук, не имела бы их недостатков. Подобно тому, как множество законов часто благоприятствует развитию пороков в обществе, и то государство бывает лучше устроено, в котором законов мало, но исполняются они строго, так точно и я решил предпочесть всему множеству правил, составляющих логику, четыре нижеследующие правила, при том условии, что буду соблюдать их постоянно.

Первое правило: не признавать ничего за истину, не убедившись в том самым очевидным образом, то есть надобно избегать поспешности в суждениях и предубеждений, не допуская в суждениях никаких понятий, кроме осознанных нами так ясно и отчетливо, что не оставалось бы ни малейшего повода к сомнению.

¹⁰ Луллий, Раймунд (1235–1315) – средневековый миссионер, поэт, философ, теолог и мистик. Наиболее известно его схоластическое сочинение «Великое искусство» («Ars magna»). Полагал, что для решения любых научных проблем требуется не предварительное изучение, а придуманный им специальный аппарат. Декарт противопоставляет схоластике свой рационалистический метод. – *Прим. перев.*

¹¹ В латинском переводе добавлено – «и очень пространно» (*et copiose*). – *Прим. перев.*

¹² Древнеримская богиня, соответствующая древнегреческой Артемиде. – *Прим. перев.*

Второе правило: разделять каждый встречающийся затруднительный вопрос для решения его на столько частей, на сколько это возможно и удобно.

Третье правило: начинать обсуждение каждого вопроса в восходящем порядке, т. е. с простейших и легчайших понятий, переходя потом к самым сложным, причем необходимо предполагать связный порядок и там, где понятия сами собою не представляются в такой связи между собою, как предыдущие и последующие.

Последнее правило: во всем делать столь подробные исчисления¹³ и обозрения настолько пространные, чтобы не оставалось никаких опасений относительно пропуска чего-либо.

Мне казалось, по поводу этих длинных рядов суждений, простых и легких, которые употребляются геометриями для доказательства самых трудных теорем, что во всех вопросах, доступных человеческому пониманию, суждения могут связываться таким же образом. Мне казалось, что нет познаний столь отдаленных, которых нельзя было бы достигнуть, настолько скрытных, чтобы нельзя было их разъяснить, если только в ряды посредствующих суждений принимаются исключительно суждения вполне верные и порядок логической последовательности и зависимости между понятиями всегда строго соблюдается. Затрудняться относительно того, с каких истин начинать изыскания, мне не пришлось, во-первых, потому, что я уже знал, что надобно начинать с простейших, а во-вторых, обратив внимание на то, что из всех изыскателей истины в науках одним математикам удалось найти кое-какие доказательства, т. е. основания верные и очевидные для науки, я не мог сомневаться в том, что изыскания мои должен начинать именно с математических истин. При этом я **очень хорошо понимал, что математические истины не принесут мне иной пользы, как дадут только навык моему уму довольствоваться истинными и не довольствоваться ложными доказательствами.** Для такого начала я не имел, однако ж, намерения изучать все эти отдельные науки, которые причисляются к математике, так как, несмотря на разнообразие предметов, обнимаемых математическими исследованиями, математика занимается одними отношениями и пропорциями, существующими в предметах. Поэтому я и нашел нужным рассматривать одни пропорции вообще, предполагая притом существование математических отношений только там, где удобно их изучать, но вместе с тем отнюдь не ограничивая приложения пропорций одним родом предметов, чтобы не лишать себя возможности прилагать математические основания и ко всем тем вопросам, в которых это только доступно. Потом, обратив внимание на то, что для познания математических отношений мне придется или рассматривать каждое из отношений в отдельности, хотя бы для одного удержания в памяти, или придется рассматривать по нескольку отношений вместе, то нашел самым удобным в первом случае представлять их линиями, не находя ничего проще и ничего доступнее этого для понимания и воображения; для изучения же и удержания в памяти нескольких математических отношений вместе я избрал численные выражения, по возможности самые краткие. Таким образом, я надеялся взять лучшее из метода как геометрического, так и алгебраического, пополняя один метод другим.

Действительно, результатом найденных мною немногих правил была, смею сказать, такая легкость в разрешении всех вопросов геометрии и алгебры, что в два или три месяца занятия этими науками, при постоянном восхождении от простейшего и общего к сложному и частному и при обращении каждой найденной истины в основание для дальнейших разысканий, я не только разрешил задачи, казавшиеся мне прежде очень трудными, но даже подумал, наконец, что могу определить и в неизвестных мне теоремах, каким путем и до какой степени их возможно решить. Читатель не сочтет меня тщеславным по поводу этого заявления, если обратит внимание на то, что в каждом вопросе может быть одна только истина и что тот, кто нашел эту истину, знает настолько по вопросу, насколько вообще можно о нем знать. Так,

¹³ В латинском переводе добавлено – «как отыскивая центр вещей, так и просматривая затруднения во всех частях» (*tum in quaerendis mediis, tum in difficultatum partibus percurrendis*). – Прим. перев.

например, ребенок, знающий арифметику и сделавший правильно сложение, может быть уверен, что нашел относительно полученной им суммы все доступное уму человеческому, потому что арифметический метод, научающий истинному порядку в исчислении всех условий задачи, придает правилам арифметики совершенную законченность.

Найденный мною метод более всего меня удовлетворял в том отношении, что я всякий вопрос мог обнимать своим разумом, если несовершенно, то, по крайней мере, насколько это для меня доступно. Кроме того, я замечал, следуя своему методу, что мой ум постепенно привыкал к более точному и ясному пониманию предметов, а так как я не присваивал свой метод исключительно какому-нибудь одному роду вопросов, то мог еще надеяться на приложение его, не менее полезное, в других науках кроме алгебры¹⁴.

Не должно, однако ж, выводить из последнего заключения, чтобы я имел в виду тотчас же прилагать мой метод ко всем научным сведениям, какие только могли мне встретиться, так как подобная поспешность была бы противна порядку, требуемому самим моим методом. **Я признал только необходимым начать с отыскания верных принципов в философии, а в этой последней науке я не находил еще верных оснований.** Сверх того, принимая во внимание, что отыскание принципов философии есть самое важное дело, при исполнении которого надобно особенно опасаться поспешности в суждениях и предрассудков, я пришел к убеждению, что отыскание принципов философии могло быть мною предпринято не прежде, как по достижении возраста более зрелого, чем тогдашний мой двадцатитрехлетний. Требовалось много времени на приготовление самого себя: как для искоренения из своего ума ложных мнений, прежде в него закравшихся, так и для собрания массы наблюдений (будущего материала моих рассуждений), так, наконец, и для упражнения себя в найденном методе, необходимого в видах приобретения известного умственного навыка.

¹⁴ В латинском переводе – «в геометрии или в алгебре» (*in geometricis vel algebraicis*). – Прим. перев.

Часть III

Некоторые правила морали, извлеченные из этого метода

Надобно согласиться с тем, что, начиная перестройку дома, в котором живешь, не довольно того, чтобы разрушить старое здание, собрать материалы для постройки и строителей, или самому упражняться в строительном искусстве, или составить даже план постройки, но необходимо еще позаботиться и о временном помещении, в котором можно было бы с удобством прожить до окончания работ. Точно так, избегая нерешимости в своих поступках в течение всего того времени, пока разум не позволит мне быть решительным в своих суждениях, и желая также пользоваться возможным счастьем во все время моих трудов, я составил для себя временные правила нравственности в трех или четырех законах, которые охотно сообщу читателям.

Первым моим нравственным законом я обязывал себя следовать законам и обычаям родной страны, а также той религии, которой милосердием Божиим я был научен с малолетства. Во всем прочем решил следовать мнениям самым умеренным, т. е. наиболее удаленным от всех крайностей и наиболее распространенным между разумнейшими людьми, с которыми мне придется жить. Понятно, что для меня, признавшего уже за ничто собственные свои мнения, как подлежащие генеральному пересмотру, ничего лучшего нельзя было выдумать, как следовать мнениям разумнейших людей. Принимая во внимание, что и между персами или китайцами, может быть, имеются столь же разумные люди, как и у нас, мне показалось полезнейшим руководиться мнениями только тех разумных людей, с которыми мне придется жить. При этом, чтобы узнать настоящие мнения окружающих меня, я решил более обращать внимание на то, что эти люди делают, чем на то, что они говорят. Подобный способ мною был принят не потому только, что, вследствие развращения наших нравов, мало находится охотников высказывать откровенно свои убеждения, но еще и потому, что многие сами не знают своих убеждений, так как мышление, которое производит в нас убеждение в чем-либо, отлично от того мышления, которое указывает нам на существование в нас известного убеждения, и оба мышления часто не бывают вместе. **Из многих одинаково распространенных мнений выбирал я всегда самые умеренные**, во-первых, потому, что они самые удобные на практике и, вероятно, лучшие, тогда как крайности обыкновенно бывают дурны; во-вторых, для того, чтобы менее сбиваться с истинного пути в случае ошибки в выборе мнения. К числу крайностей я по особому соображению причислил все обязательства, которыми люди ограничивают в каком-нибудь отношении свою свободу. И такой взгляд на обязательства составил у меня не от того, чтобы я восставал против законов, которые в видах обеспечения общества от непостоянства слабохарактерных людей допускают заключение обязательных условий и договоров в делах полезных вообще, или по торговле, или вообще в случаях безразличных, но потому, что не видел ничего постоянного на сем свете. В особенности для самого себя, при том намерении, которое я имел – свободным мышлением усовершенствовать мои суждения, – считал бы большой ошибкой, не согласной со здравым смыслом, обязательное признание чего-либо хорошим, признание неотменимое и в том случае, когда бы предмет потерял хорошие свои качества или я перестал бы считать его хорошим.

Вторым нравственным законом я требовал от себя возможно большей твердости в характере и решительности в действиях, с наименьшим постоянством в следовании самым сомнительным мнениям, как и самым верным, если первые были уже один раз мною приняты. В этом правиле я подражал путешественникам, заблудившимся в лесу, которым не следует бродить, переменяя часто направление, или останавливаться на одном месте, но должно идти, не уклоняясь, как можно прямее в одну какую-либо сторону. Хотя направление было бы избрано путешественником и случайно, но при этом методе, если он и не достигнет того места, куда

шел, то по крайней мере выберется на край леса, где ему будет во всяком случае лучше, чем в середине леса. Точно так же случайности жизни часто не дают нам никакой отсрочки на обдумывание наших действий, и тогда вернейшее правило: **когда мы не можем отличить дельных мнений от неделных, то должны следовать мнениям вероятнейшим**; когда же и правдоподобнейшего отличить не можем, то непременно остановиться на каких бы то ни было мнениях и потом уже считать их за несомнительные, именно по отношению только к практике и в силу той причины, которая побудила нас избрать их. Это правило тотчас же избавило меня от всех раскаяний и угрызений совести, так часто мучающих слабохарактерных людей, способных изменять образ своих действий вместе с изменением своих понятий о хорошем и дурном.

По третьему моему нравственному закону я должен был побеждать самого себя, а не враждебную Фортуну. Я должен был переменять свои желания, а не добиваться изменения порядка, существующего во вселенной, и вообще должен был привыкать к той мысли, что вполне состоящими в нашей власти мы можем признавать одни наши желания, относительно же всего, вне нас находящегося, мы можем только делать известные усилия, которые, как скоро не привели к успеху, то принуждают нас предпринятое дело признавать за невозможное. Мне казалось, что этого одного правила было довольно для удержания меня от желаний неудобно-исполнимых и чтобы сделать меня всегда довольным. Если наша воля будет устремлять нас только на предметы, которые здравый смысл представляет нам вполне доступными, и за предметы доступные мы не будем считать всего вне нас находящегося, то мы настолько же мало будем огорчаться, например, от невольной потери благ, принадлежащих нам по рождению, как и от того, что не обладаем Китаем или Мексикой. Мы будем, как говорится, обращать необходимость в добродетель, и не пожелаем здоровья, когда будем больны, свободы – когда будем сидеть в тюрьме, точно так же как не пожелаем тела крепкого, как алмаз, или крыльев как у птиц. Но, признаюсь, необходимо продолжительное упражнение для того, чтобы усвоить себе такой взгляд на дела мира сего. Я полагаю, что именно в привычке относиться подобным образом ко всяким благам заключалась тайна тех древних философов, которые умели не подчиняться ударам судьбы и среди страданий и нищеты соперничали в благополучии со своими богами. Эти люди, имея постоянно в виду ограниченность человеческих сил, вполне убеждали себя в том, что ничего не было в их власти, кроме собственных идей, а потому ни к чему и не привязывались на свете, кроме идей. Наоборот, своим владением, т. е. размышлением, эти философы пользовались так неограниченно и широко, что имели некоторое основание считать себя и богаче, и могущественнее, и свободнее, и счастливее всех тех людей, которые, не следуя подобному же учению, не могут иметь всего того, чего желают, как бы при этом ни были благоприятствуемы природой и Фортуной.

Наконец, для дополнения принятых мною нравственных законов я решил сделать разбор всех существующих у людей занятий, чтобы избрать для себя лучшее между ними. Не осуждая занятий других людей, собственно для себя я нашел всего лучше продолжать то занятие, которое начал, т. е. решил употребить свое время на усовершенствование разума и на отыскание истины, следуя найденному методу. **И столько имел я душевных наслаждений с тех пор, как стал следовать своему методу, что даже не предполагал возможным иметь в этой жизни наслаждения более высокие и чистые**, потому что, открывая с помощью своей системы каждый день новые истины, казавшиеся мне немаловажными и не принадлежащими к числу общеизвестных, я ничем более не мог интересоваться. Самыми вышеизложенными тремя нравственными законами я удовлетворялся только потому, что надеялся на свою систему и имел в виду отыскать истину собственным размышлением. Так, я никак бы не согласился довольствоваться пока чужими мнениями, зная, что Бог каждому дал известную способность отличать ложное от истинного, если бы не имел в виду, в свое время, сам исследовать истину и если бы не надеялся при первом удобном случае, что таковые имеются. Наконец, я не в силах был бы ограничивать мои желания и довольствоваться тем, что имею, если бы не

предполагал, следуя своей системе, что приобрету все познания, все истинные блага в жизни, какие только для меня доступны. Соединяю познания с благами жизни потому, что воля наша привлекает нас к чему-либо или отталкивает нас от чего-либо только вследствие признания с нашей стороны предмета хорошим или дурным, от чего происходит, что хорошее обсуждение предмета обуславливает возможную правильность наших действий. Но отсюда ясно, что мы тогда только можем быть довольны, когда уверены в приобретении всех душевных достоинств, вместе с зависящими от них возможными для нас благами.

Уверившись в достоинстве моих нравственных законов и отделив их особо, вместе с истинами религии, всегда поставлявшимися мною во главе всех моих убеждений, я рассудил, что могу предпринять уничтожение остальных моих убеждений, а так как исполнить это находил более возможным, обращаясь среди людей, чем сидя в той коморке, в которой я обо всем вышеизложенном рассуждал, то пустился опять странствовать по свету еще прежде окончания зимы. И в течение целых девяти лет я только и делал, что переезжал из одного места в другое, стараясь, во всех комедиях жизни, которые при мне разыгрывались, быть зрителем, а не действующим лицом. При этом я не забывал предавать исследованию все встречающиеся вопросы с их сомнительной стороны, с помощью чего и успел вырвать из своего ума все заблуждения, которые закрались в него в течение времени. **Искореняя свои заблуждения, я не подражал скептикам, сомневающимся для того только, чтобы сомневаться, и старающимся оставаться в нерешимости**; напротив того, я усиливался единственно разбросать слабый грунт и песок под моими ногами и добраться до настоящей твердой почвы для своего фундамента. Успех мой в этих усилиях зависел именно от того, что опровергал я ложное или сомнительное не слабыми, а ясными и твердыми соображениями, вследствие чего не встречал вопроса настолько сомнительного, чтобы не прийти в какому-нибудь положительному заключению, хотя бы и к такому, что в известном вопросе нет ничего определительного. И подобно тому, как при разрушении старого дома сохраняют материалы его для нового здания, так и я, уничтожая в себе все убеждения, которые признавал неосновательными, делал много наблюдений и опытов, послуживших мне впоследствии к приобретению убеждений более верных. Кроме того, я продолжал упражняться в принятом мною методе как тем, что постоянно направлял мои размышления по правилам этого метода, так и тем, что по временам упражнялся в математике или даже в других науках, именно в тех, которые мне удавалось сделать подобными математике. Достигал я последнего относительно многих наук, как увидит читатель ниже¹⁵, выкидывая из числа научных познаний все нетвердые нематематические начала. Таким образом, проводя мою жизнь, по-видимому, так же, как и те люди, которым нечего более делать на свете, как только жить в свое удовольствие безобидно для других, проводя время в позволительных удовольствиях и избегая как порока, так и скуки, я успевал, тем не менее, в достижении своей цели и более подвигался вперед в изыскании истины, как если бы занимался постоянно чтением или жил бы в сообществе ученых людей.

Однако ж девять лет прошло, прежде чем я остановился на чем-нибудь, по тем затруднительным вопросам, о которых постоянно спорят ученые, и даже не начинал отыскивать оснований для иного, более верного мировоззрения, чем общепринятое. Видя, как многие превосходные умы предпринимали еще недавно такой же подвиг, как мне казалось, безуспешно, я пугался трудности дела и, вероятно, и теперь бы еще не принимался за него, если бы не узнал, что некоторые мои знакомые преждевременно распустили слух о полном моем успехе в разысканиях. Не могу сказать, на чем основывали эти знакомые свои предположения, и если я речами моими сколько-нибудь содействовал распространению слуха, то это никак не тем, чтобы хвастался каким-нибудь найденным учением, а разве тем, что с большей откровенностью, чем принято между людьми учившимися, сознавался в том, чего не знаю, или тем, что

¹⁵ Имеются в виду «Диоптрика», «Метеоры» и «Геометрия», вышедшие в том же томе. – *Прим. перев.*

опровергал мнения, признаваемые многими за несомненные. Но, как человек довольно совестливый для того, чтобы допускать других до понятия обо мне, не соответствующего действительности, я счел необходимым употребить все мои силы для того, чтобы сделаться достойным репутации, которую мне, против моего желания, составили. Это намерение, ровно восемь лет тому назад, побудило меня удалиться от всех моих знакомых и переехать сюда, в страну¹⁶, в которой продолжительная война завела такой порядок, что армии, в ней находящиеся, служат только к обеспечению мира, и где, в массе великого деятельного народа, более занятого своими собственными делами, чем способного вмешиваться в чужие, я могу жить столь же уединенно, как бы в любой пустыне, не лишаясь, вместе с тем, и удобств жизни, свойственных населенным местам.

¹⁶ Голландия. – Прим. перев.

Часть IV

Доводы, доказывающие существование Бога и человеческой души, или основание метафизики

Не знаю, должен ли я передавать читателям размышления, которым предавался в вышеупомянутой стране, потому что эти размышления были такого метафизического свойства и так необыкновенны, что не каждого могут заинтересовать¹⁷. Но я вынужден некоторым образом излагать эти размышления для доставления другим возможности оценить твердость моих начал. **Я давно заметил, что в вопросах, касающихся обычаев, иногда необходимо следовать мнениям очевидно сомнительным как самым верным, как я это выше изложил;** предпринимая же отыскание исключительно истины, я полагал, что надобно было поступать совсем наоборот – признавать все подверженное малейшему сомнению за совершенно ложное, и потом смотреть, что, за отбрасыванием сомнительного, останется в нашем понимании верного. Таким образом, принимая во внимание, что наши чувства нас нередко обманывают, я предположил, что все познание предметов, получаемое нами через внешние чувства, есть ложное. Точно так же, сообразив, что встречаются люди, ошибающиеся в простейших правилах геометрии и увлекающиеся паралогизмами, а также и то, что я сам никак не менее других подвержен ошибкам, решился отвергнуть как ложные все те мелкие основания, которые признавал прежде за доказательства. Наконец, вспомнив, что те же соображения, которые бывают у нас во время бодрствования, являются и во сне (при каком состоянии нашем все соображения признаются ложными), я предположил, что все идеи, когда-либо входившие в мой ум, настолько же верны, как и сонные мечтания. Но после этих предположений я тотчас заметил, что, откидывая все суждения как ложные, по необходимости должен признать то, что я-то сам, думающий так, что-нибудь да есть, и вследствие того признать истину: *я мыслю, следовательно, я существую*. Этот вывод, как могущий устоять против всех возражений скептиков, я счел возможным, не колеблясь, принять за первое основание той философской системы, которую отыскивал.

Далее, рассматривая со вниманием свое собственное существо, я заметил, что могу вообразить себя без тела и не находящимся ни в каком определенном мире или месте, но того, что меня вовсе нет, вообразить себе не могу. Существование мое подтверждается тем самым, что я могу отвергать истину других вещей, тогда как если бы я перестал мыслить, то и при совершенной справедливости всего прежде мною передуманного я не имел бы никаких оснований признавать себя существовавшим когда-либо. Из всего этого я вывел, что составляю существо, которого исключительное назначение есть мыслить, которое для своего бытия не нуждается в пространстве и не зависит ни от какого вещества; одним словом, что это я, т. е. душа, делающая меня тем, что я есть, совершенно отлична от тела, познается легче тела, и если бы тела вовсе не было, то все-таки осталась бы тем, что есть.

После этого я стал обсуждать вопрос о том, что вообще нужно для совершенной определенности и верности философского суждения. **Так как я нашел одно суждение верное и определенное, то считал необходимым узнать и то, в чем именно состоит верность этого суждения?** Заметив относительно суждения: *я мыслю, следовательно, существую*, что мое убеждение в верности его возникает исключительно из ясной идеи о том, что кто мыслит, тот непременно существует, я пришел к общему выводу: все идеи, постигаемые нами совер-

¹⁷ Декарт говорит о первом наброске «Метафизических размышлений», которые были изданы через четыре года после «Рассуждения о методе». – Прим. перев.

шенно ясно и определенно, суть истинные, и затруднение в отыскании истинных идей состоит только в отделении ясно понимаемых идей от всех прочих.

Затем, размышляя о своей способности сомневаться, я вывел из этого понятие о несовершенстве моего существа, так как ясно, что знание представляет больше совершенства, чем сомнение. Потому я решился отыскивать источник моих идей в чем-то более совершенном, чем мое существо, и нашел его именно в каком-нибудь существе, более меня совершенном. Что касается до идей моих о множестве вне меня находящихся предметов и явлений, как-то: о небе, о Земле, о воде, о тепле и о тысяче других, то я не затруднялся относительно их источника, потому что, не видя в этих предметах и явлениях ничего дающего им превосходства надо мною, я мог думать, что если они истинны, то состояли в зависимости от моего существа, как обладающего некоторым совершенством, если же ложны, то поступили в мое сознание вследствие своего небытия, т. е. постигались мною только вследствие недостатков, имеющихся в моем существе. Но такое объяснение неприложимо к идее¹⁸ о существе более совершенном, чем мое, так как получить эту идею от небытия, т. е. чтобы от небытия произошло какое-нибудь бытие – предположение немислимое, а как не менее противно здравому смыслу и то, чтобы более совершенное зависело или происходило от менее совершенного, то я заключил, что идею свою о совершенном не мог получить и от самого себя.

В заключение всего, **я пришел к убеждению, что идею эту могло вложить в меня только существо действительно совершеннейшее, чем я, или даже обладающее всеми совершенствами, доступными моему пониманию, т. е., выражаясь короче, существо, которое было бы Богом.** К этим суждениям прибавлю, что так как мне известны некоторые совершенства, которыми я не обладаю, то должен из того заключить, что не один существую на свете (позволяю себе употреблять здесь выражения, принятые в школе), а также и то, что есть существо более меня совершенное, от которого я завишу и от которого получил все, чем обладаю. Если бы я был один и не зависел от другого существа, получив всю принадлежащую мне часть совершенства от самого себя, то я получил бы от самого же себя и все остальное в совершенстве, чего мне недостает, т. е. сделался бы сам собою бесконечным, вечным, неизменным, всеведущим, всемогущим и со всеми совершенствами, которые возможно только открыть в Боге. Далее, чтобы достигнуть возможного познания совершенств Божиих, мне следовало, на основании вышеизложенного, рассмотреть только во всем, составляющем предмет моих идей, было ли совершенством или недостатком обладание этими идеями, а затем я мог быть уверен, что все идеи с признаками несовершенства не принадлежат Богу, а все прочие принадлежат Ему. Так, например, **я мог быть уверен, что у Бога нет ни сомнений, ни непостоянства, ни печали, ни всего подобного, принимая во внимание, что я сам очень желал бы не иметь способности ко всему этому.** Кроме указанных идей, я имел понятия о многих предметах вещественных и обладающих чувством и должен был признать их находящимися в моем мышлении, хотя и предполагал все свои воззрения на видимое ложными или равносильными сонному бреду. Присоединяя к первым идеям еще и эти понятия, я пришел к таким выводам: различая в себе ясно две между собою несходные природы, духовную и вещественную, и сообразив, что всякая сложность выражает зависимость, а зависимость есть очевидное несовершенство, я заключил, что образование из двух природ не может принадлежать к числу совершенств Божиих и что, вследствие того, Бог не имеет двух природ, а также и то, что если существуют на свете какие-нибудь тела или существа разумные, не одаренные полным совершенством, то все они вполне зависят от всемогущества Божьего и без Бога не могут существовать одной минуты.

¹⁸ В латинском переводе примечание – «в этом месте и во всех следующих под словом „идея“ следует вообще понимать всякую мыслимую вещь, поскольку она представлена каким-либо объектом в уме» (*nota hoc in loco et ubique in sequentibus nomen ideae generaliter sumi pro omni re cogitata, quatenus habet tantum esse quoddam objectivum in intellectu*). – Прим. перев.

После этих истин я хотел перейти к разысканию других подобных и избрал для этого предмет, исследуемый геометрами. Предмет этот я представил себе связным телом, или пространством, бесконечно распространенным в длину, ширину и высоту или глубину и разделенным на части различных форм и величин, вполне подвижные, согласно предположениям геометров, и потом пробежал некоторые из простейших теорем геометрии. Занимаясь этим, я обратил внимание на то, что **несомненность, которая приписывается геометрическим теоремам, происходит именно от очевидности их доказательств**, согласно с вышевысказанными правилами, но в то же время меня поразила мысль о совершенной недоказанности существования самого предмета, который определяется геометрическими теоремами, потому что если я, например, легко убеждаюсь в равенстве трех углов всякого предположенного треугольника двум прямым углам, то ничто не убеждает меня в существовании на свете хотя бы одного геометрического треугольника. Это соображение заставило меня возвратиться к найденному уже мною выводу о совершеннейшем существе и сделать между ними сравнение, из которого и оказалось, что с идеей о совершеннейшем существе идея о бытии этого существа, не требуя особых доказательств, как в геометрических теоремах, также неразрывно связывается, как с идеей о треугольнике связывается понятие о равенстве его углов двум прямым или с идеей о сфере связывается понятие о равном удалении всех частей сферы от центра, или еще неразрывнее, потому должен был признать идею о бытии совершеннейшего существа, т. е. Бога, по крайней мере настолько же доказанной, как и любая геометрическая теорема.

Многим кажется, однако ж, трудным познавать Бога, даже понять то, что такое есть их душа, но это происходит от непривычки некоторых людей мыслить о чем-либо другом, кроме предметов вещественных, и от привычки понимать все только с помощью воображения. Этот последний способ мышления необходим для материальных предметов, но привычка пользоваться им исключительно производит то, что все, не подлежащее действию нашего воображения, кажется нам не подлежащим пониманию. Что такое заблуждение существует, доказывается афоризмом, принятым схоластиками за аксиому: нет в нашем понимании ничего, не бывшего предварительно в наших чувствах, а между тем идеи о Боге и душе в чувствах-то никогда и не бывали!¹⁹ Мне кажется, что те, которые усиливаются постигнуть Бога и душу воображением, так же поступают, как если бы они хотели постигнуть звук и запах посредством зрения, или поступали бы еще глупее того, принимая во внимание, что зрение с наименьшей верностью, чем слух или обоняние, передает нам свойственные ему впечатления, тогда как воображение или чувства ни в чем не могут нас убедить без помощи разума.

Наконец, если найдутся люди, которых представленные мною доказательства не убедят еще в существовании Бога и души, то я скажу им, что все прочие идеи, которые кажутся им более определенными, как, например, о существовании человеческого тела, о существовании звезд, о существовании Земли и тому подобные, менее верны, чем идеи о Боге и душе. Потому что, хотя уверенность в первых идеях такова, что как будто только безумный может в них сомневаться, тем не менее, когда дело идет о доказательности метафизической, нельзя без явного безумия отрицать поводов к сомнению в верности материальных идей, приняв во внимание, что мы можем во сне воображать себя не с таким телом, какое имеем, видеть совсем другие звезды или совсем иную Землю, т. е. то, чего вовсе не существует. Из чего, спрашивается, мы можем заключить, что мысли во сне менее верны, чем мысли наяву, хотя первые бывают ясны и определены не менее вторых? Вызываю самых бойких мыслителей потрудиться над этим вопросом и найти способ устранить это сомнение, не признавая предварительно бытия Божия. По моей же системе вопрос разрешается так: если я принял предварительно за правило, что все понимаемое нами ясно есть истинное, то это правило верно только при условии признания бытия Божия, совершенств Божиих и происхождения всего от Бога, а потому **все наши**

¹⁹ В латинском переводе – «разумный» (*rationalis*). – Прим. перев.

понятия, в чем они ясны, происходят от Бога и в том самом истинны и согласны с действительностью. Если мы имеем понятия ложные, то это понятия смутные и неясные, происходящие от небытия²⁰, т. е. понятия наши смутны вследствие нашего несовершенства²¹. Очевидно, что не менее противно здравому смыслу происхождение лжи и несовершенства от Бога, как происхождение истины и совершенства от небытия. Но если бы мы не были уверены в том, что все в нас истинное и согласное с действительностью происходит от существа совершенного и бесконечного, то как бы ни ясны и определены были наши понятия, мы не имели бы достаточного основания признавать их истинными.

Утвердившись в истине последнего правила, вследствие признания бытия Божия и души, легко уже доказать, что сонные наши бредни не могут возбуждать сомнений относительно верности наших мыслей в бодрственном состоянии. Если бы случилось даже, что нам пришла в голову очень ясная идея во сне (как, например, если бы геометр во сне изобрел какое-нибудь новое доказательство), то сон не воспрепятствовал бы верности идеи, так как сны, представляя нам предметы в том же виде, в каком их представляют чувства, не более должны возбуждать наше недоверие, как и чувства, часто нас обманывающие и в то время, когда мы не спим, как, например, когда люди, одержимые разлитием желчи, видят все в желтом цвете, или когда звезды или другие отдаленные тела кажутся нам меньшими, чем они суть в самом деле. Вообще, мы должны понимать, что спим ли мы, или бодрствуем – **убеждаться мы должны только суждениями здравого смысла.** Прошу заметить, что я говорю исключительно о нашем рассудке, а не о нашем воображении или чувствах; так, если мы видим явственно солнце, то не должны считать его имеющим ту именно величину, какую видим, или если можем вообразить себе голову льва, приставленную к телу козы, то не должны признавать существования химеры, потому что разум наш не утверждает действительности всего того, что мы можем вообразить или что мы видим, но требует какой-нибудь истины в основание всех наших идей и соображений. Бог, во всем истинный и совершенный, без начала истины не мог вложить в нас какого-нибудь мышления. Что же касается до вопроса, почему наши рассуждения во сне никогда не бывают настолько же ясны и связны, как наяву, хотя воображение наше бывает иногда во сне очень живо и сильно возбуждено, то разум наш нам также говорит, что мышления наши, неспособные быть всегда истинными, вследствие нашего несовершенства, скорее могут явиться с верной своей стороны в то время, когда мы бодрствуем, чем когда мы спим.

²⁰ В латинском переводе – «они происходят не от высшего существа, но из небытия» (*non ab Ente summo, sed a nihilo procedunt*). – Прим. перев.

²¹ В латинском переводе – «так как нам кое-чего недостает, или мы не вполне совершенны» (*quia nobis aliquid deest, sive quia non omnino perfecti sumus*). – Прим. перев.

Часть V

Порядок физических вопросов

Я охотно представил бы здесь читателю весь ряд стин, выведенных мною из двух найденных главных, но, принимая во внимание, что для этого мне пришлось бы коснуться многих вопросов, составляющих предмет спора между учеными людьми, а я с этими господами ссориться не желаю, то нахожу удобнейшим воздержаться от подробного изложения. Скажу об этих истинах только вообще, предоставив умным людям рассудить самим – следует или не следует знакомить публику с означенными истинами подробно. При новых моих разысканиях я твердо следовал тому же принципу, которым руководствовался для доказательства существования Бога и души, т. е. не признавал того за истину, что не представлялось мне яснее и определеннее самых геометрических доказательств. И, при всей трудности следовать этому принципу, смею сказать, что мне удалось в короткое время разрешить все труднейшие вопросы философии. В особенности я успел заметить некоторые законы, столь твердо установленные Богом в природе и столь ясно признаваемые нашими душами, что после самого строгого обсуждения этих законов мы убеждаемся в точном исполнении их во всем существующем и совершающемся в мире. Потом, рассматривая последствия замеченных мною законов, **я открыл, как мне кажется, многие истины, более полезные и важные, чем те, которые мне были прежде известны или которые я надеялся прежде познать**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.